

— Император хоть и не враг, но является действующим монархом империи. Теперь мы должны полностью подавить этих мятежников.

Ням-ням. Ням-ням.

— Очевидно, что силы маркиза Алпейра стремятся заменить нынешнего правителя, так что это серьезное восстание.

— Пресвитерианская церковь уже расследовала это. Я так рад, что Ваше Сиятельство вернулись.

— Пресвитерианская церковь находится в том же положении. Те, кто угрожает безопасности империи, заслуживают немедленного выкорчевывания.

Какой позор.

Ням. Ням-ням...

— ...

— ...

— ...

Я на некоторое время перестала есть, когда увидела, что все смотрят на меня.

Все проводили собрание в очень серьезной и торжественной обстановке, и только я одна с волнением поглощала десерт.

Но это было неизбежно.

Клубничные макарены оказались вкусными, вишневый пирог с взбитыми сливками снаружи — сладким, а пончики, покрытые кремом, нежно таяли у меня во рту.

Как они додумались посыпать поверх шоколадного напитка ломтики клубники и сироп с взбитыми сливками?

Благодаря всему этому я не смогла взять себя в руки, и теперь Генрих смотрит на меня.

...Ням.

Поэтому я притворилась, что ем не так возбужденно, и начала жевать медленнее.

Вскоре Генрих отвел от меня взгляд и тихо прошипела слова, обращенные к людям, которые смотрели на меня.

— ...Отныне я буду наказывать каждого, кто уклонится от темы этого собрания и скрывает свои цели.

Люди тут же отвели от меня глаза и вернулись к обсуждению. Генрих тоже больше не смотрел на меня. Было гораздо легче есть, когда все они перестали пялиться.

Когда я съела весь десерт, сегодняшнее собрание уже закончилось.

Люди один за другим покидали свои места. Они говорили, что останутся в замке на некоторое время, чтобы продолжить обсуждение вопросов восстания, а некоторые, похоже, собирались вернуться в столицу раньше.

Я тоже получила разрешение вернуться в свою комнату.

И когда попыталась спуститься со стула, пожилой джентльмен, который пристально смотрел на меня, несмотря на приказ Генриха, улыбнулся и заговорил со мной.

— Вы очень умны. У вас такая хорошая память. Ха.

Затем заговорили другие и тоже начали хвалить меня.

— Да, я тоже был очень удивлен. Даже если у тебя хорошая память, разве найдется такой ребенок, который может толково объяснить это перед столькими взрослыми?

Мое лицо немного покраснело, и я села обратно на стул, аккуратно сложив руки.

— А еще ты гениальна. Возможно, она исключительна, потому что дочь герцога Венсгрея!

— Конечно.

Генрих не удостоил меня вниманием, но сухо ответил, передавая документы своему адъютанту.

— Если она рождена от герцога Венсгрея, конечно, она исключительна.

Это был комплимент?

Чувствуя себя подавленной без всякой причины, я спрыгнула со стула, не обращая внимания на толпу.

Упс. Благодаря тому, что люди уходили один за другим, мне удалось ни с кем не столкнуться, когда что-то упало сбоку от моей ноги.

— Хм... Что это?

Один из дворян, стоявших неподалеку, поднял это, прежде чем я успела уделить этому все свое внимание.

Бумага, сложенная пополам. Я увидела это и застыла.

— А, это... Картина?

— Э... Э... Это!..

Я попыталась торопливо протянуть руку, но... Как семилетний ребенок, я была слишком мала ростом по сравнению со взрослыми.

В конце концов бумага развернулась, и все увидели ее содержимое. Даже Генрих, который только что встал рядом со мной!

Адъютант, рассматривающий рисунок вместе со мной, спросил меня с удивленным лицом.

— Госпожа, это вы нарисовали Мастера?

— О, нет!

Мое лицо стало горячим.

Я не могла поверить, что столько людей смотрят на мою картину. Кроме того, это Генрих.

— Но цвет идеален. То же самое касается его глаз и волос, и это форма, которую он обычно носит. А контраст между тенью и цветом — он очень тонкий.

— О, это действительно работа семилетнего ребенка?

— Боже мой! Я и не знал, что в роду герцога Венсгрей в будущем появится художник.

Все люди восхищались мной и хвалили мой рисунок.

В этот момент я поняла, что упустила из виду средние навыки рисования семилетних детей в этой империи.

Тем временем служанки смотрели на меня издали и улыбались с гордыми лицами, словно говорили: «Посмотрите на это!» Особенно Пейна.

Когда мои плечи задрожали от неопишуемого стыда и страха, адъютант передал мою картину кому-то другому.

Это была Генрих, будь он проклят.

— Хм...

Он долго смотрел на мою картину.

<http://tl.rulate.ru/book/49139/1662804>